

*ПЕТЕВ Николай Иванович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Автор 37 научных публикаций**

САМОУБИЙСТВО В НЕКОТОРЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СИСТЕМАХ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ И ИНДИФФЕРЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН

В данной статье рассматривается феномен суицида как элемент религиозного действия индивида. Автор исследует те религиозные системы, где суицид обретает свою легитимность, что связано с особенностями вероучения той или иной религии. Не каждая религия расценивает самоубийство как негативный акт, несущий в себе отрицательную ценностную нагрузку. Как правило, суицид выступает как особый акт волеизъявления, имеющий особые этиологические и телеологические обоснования. Автор выделяет несколько вариантов, при которых реализация суицида не противоречит постулатам некоторых религий, а иногда является их следствием: 1) особая иерархия ценностей, где жизнь не занимает главенствующее место, поэтому самоубийство не подпадает под категорию негативных поступков; 2) суицид мыслится как непосредственно индифферентный или потенциально положительный акт, легитимность которого вытекает из особенности вероучения; 3) самоубийство как акт протеста, имеющий нравственно положительный или нейтральный характер; 4) самоубийство как форма самопожертвования, имеющая высокую положительную нравственную оценку; 5) самоубийство как аспект инициации и перехода в наилучшее состояние экзистенции. Перечисленные этиологические и телеологические категории непосредственно или опосредованно указывают на отсутствие негативной аксиологической оценки во внутреннем содержании акта самоубийства. Автор отмечает, что эти обоснования легитимности суицида не встречаются в чистом виде. Как правило, они переплетены между собой и могут быть катализатором акта-поступка. Тем не менее даже в тех религиозных системах, где феномен суицида позиционируется как акт, имеющий оправдание, право на его реализацию четко регламентировано религией и не выступает действием акцидентным, аффективным и утилитарным. В иных случаях суицид расценивается как некое проявление эгоизма, трусости, слабости, бесчестия и т. д., что противоречит той ценностной системе религии, в которой индивид реализует данный поступок.

Ключевые слова: *суицид, самоубийство, сэнпуку, бусидо, буддизм, джайнизм, самопожертвование, инициация.*

*Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: cyanideemo@mail.ru

Для цитирования: Петев Н.И. Самоубийство в некоторых религиозных системах как потенциально положительный и индифферентный феномен // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 4. С. 119–131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.119

Отношение к феномену самоубийства в некоторых религиях дифференцировано, хотя существует ошибочное суждение о его абсолютном и категоричном негативном характере, что ведет к редукции внутреннего содержания этого феномена. Дело в том, что данный феномен в некоторых религиозных системах имеет различную оценку – в зависимости от цели и причины, поэтому необходим более глубокий анализ для выявления его аксиологического содержания. Актуальным при анализе феномена самоубийства является рассмотрение не только негативной оценки суицида в тех или иных религиях, но и его положительной и нейтральной дефиниций, чтобы получить полное представление о назначении и роли этого акта в некоторых религиозных системах.

Д. Юм отмечал, что «никогда ни один человек не отвергал жизнь, когда ее стоило бы удерживать» [1, с. 173]. Суицид в некоторых религиях воспринимается либо индифферентным, либо потенциально положительным актом. Такая дифференциация в оценке акта самоубийства лежит в специфике и особенностях верования и культа различных религий. Это, в свою очередь, определяет телеологическое и этиологическое обоснования реализации самого акта суицида, а также его аксиологическую оценку.

Во-первых, реализация самоубийства как действия, не несущего в себе негативной нагрузки, может исходить из особой иерархии ценностей, в которой жизнь имеет второстепенное значение по сравнению с другими ценностями. Ярким примером такого феномена является практика харакири (сэппуку) самураев

в Японии, где ценность чести стояла выше ценности жизни. Харакири сформировалось на базе комплекса этических воззрений буси (бусидо)¹. Дословно данный термин переводится как «путь воина», однако более поздняя трактовка связывает его с понятием долга и моральным кодексом: «...слово “до” переводится еще и как “долг”, “мораль”, что имеет соответствие с классической философской традицией Китая, где понятие “путь” является некоей этической нормой (дао-дэ). Таким образом, бусидо – это “самурайская мораль”, “добродетель”, “морально-этический” кодекс» [2, с. 27].

Одна из особенностей буси заключается в том, что в его основе лежит специфический культ смерти. Благодаря влиянию дзен-буддизма реальный мир воспринимался пустым и эфемерным, а смерть – как совершенно обычный ход вещей. Самураи прибегали к специфической психо-духовной практике: каждый день необходимо было медитировать и представлять различные виды и формы своей смерти, тем самым готовя себя к ней². Каждодневное переживание смерти рассматривалось как важный принцип пути воина³. Иными словами, необходимо было подготовиться не только к смерти как таковой, т. е. осознать естественность ее наличия и устранить страх перед ней, но и к различным ее формам.

Чувство долга и верность своему сюзеру (господину) с течением времени приобрели категоричный характер, особенно благодаря влиянию конфуцианства на бусидо, что породило практику цуйфуку – самоубийства велед за своим господином⁴. Смерть во имя долга и самопожертвования

¹Сложность заключается в том, что сама этика буси синкретична. А.Б. Спесивовский подчеркивает, что единого специального свода правил и требований, где этические требования были бы отражены в полном объеме, не было создано [3, с. 33]. Нравственные аспекты самурайства нашли свое отражение в легендах и повестях, которые служили примером для молодого поколения. Множество таких текстов находится в «Хагакурэ». Несмотря на то, что данный текст пронизан духом буси, в нем много несоответствий и противоречий. Причиной этого служит то, что «Хагакурэ» состоит из текстов, имеющих разные время написания и стиль (записки, воспоминания, анекдоты, моральные поучения и т. д.).

²Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. М.: ЭКСМО, 2004. С. 253.

³Там же. С. 110.

⁴Там же. С. 148, 150–151, 173.

под влиянием конфуцианства интерпретировалась как проявление истинной и настоящей жизни.

Однако подобное отношение к жизни не говорит о полном к ней пренебрежении. Взаимопроникновение синто и дзен-буддизма в этике буси облекли смерть в особую эстетическую форму. Основной принцип такой «красоты смерти» заключается в том, что «жизнь человека считалась тем прекраснее, чем она короче, особенно если это “ярко” прожитая жизнь» [2, с. 62–63]. Такое особое «искусство умирания», облекающее человека славой, считается истинным героизмом, верностью и самопожертвованием. Однако не всегда мотивы благородных поступков были чисто этическими – иногда они имели корыстный мотив обогащения [2, с. 38].

В целом можно сказать, что самоубийство не находит осуждения в тех аксиологических системах, где ценность жизни стоит ниже, чем ценность чести, достоинства, храбрости, славы и т. д. Например, в Древнем Риме также практиковалось ритуальное самоубийство – «падение на меч». Ярким примером служит консул и военачальник Гней Домиций Карбулон: он, чтобы избежать казни по приказу Нерона, которая обесчестила бы его, совершил самоубийство, сказав: «Достоин!»⁵ Еще один пример, тоже из истории Древнего Рима: самоубийства полководца Марка Петреи и нумидийского царя Юбы I, попавших в окружение цезарианцев. Они устроили поединок между собой: победитель должен был убить второго, а потом убить себя сам. Такая честь выпала Марку Петреи.

Во-вторых, самоубийство может практиковаться как индифферентный или потенциально

позитивный религиозный акт⁶, который реализуется в таких религиях, как буддизм (тхеравада) и джайнизм. Легитимность данного акта вытекает из особенности религиозного вероучения. Несмотря на то, что убийство живого существа, согласно религиозным канонам буддизма, является грехом, самоубийство не приравнивается к нему. «Суицид – это неблагое действие, порожденное отвращением, как преобладающим аффектом, переходящим в отвержение собственной жизни, и невежеством» [4, с. 212]. Анализируемый акт лишает индивидуума возможности достижения благого состояния сантаны, также отсекая благоую религиозную перспективу на более благое перерождение и нирвану. Однако этот акт имеет и положительный примат, что связано с архатством. Самоубийство архата имеет свою легитимность только при определенных жестких условиях: 1) если его община сильна; 2) если архат состарился, а недуги и болезни заставляют других заботиться о нем; 3) если болезни, старость и физическое состояние бесполезны для распространения дхармы; 4) если есть достойный преемник [4, с. 213]. Следование канону, выполнение всех правил, легитимность и монашество отличают благой акт монаха от обычного аффективного самоубийства.

Иными словами, в рамках архатства тхеравады самоубийство можно назвать «потенциально благим» актом. Дело в том, что если физическое состояние не способствует дальнейшему духовному развитию или даже ведет к деградации, то акт самоубийства позволяет остаться архату в состоянии наивысшей точки духовно-психологического развития. В новом

⁵Фразу «Достоин!» можно трактовать по-разному, однако несомненным остается то, что за верную службу Риму Карбулон считал себя достойным такой смерти, которая не обесчестила бы его. Поэтому самоубийство и сохранение чести являлись большими ценностями, чем жизнь.

⁶Нейтральность и «потенциальность» акта суицида заключаются в том, что «позитивные санкции не должны применяться к поступкам, которые не были бы правильны независимо от санкций» [5, с. 246]. А ввиду специфического отношения к жизни (не как к великой ценности) самоубийство не несет в себе аксиологической нагрузки. «Потенциальность» состоит еще и в том, что оно сокращает время между перерождениями, если в первом рождении нет возможности развития.

перерождении⁷ индивидуум не начинает свое духовное развитие с начала или с более низкого уровня, чем был у него в прошлом рождении. Он начинает его именно с такого состояния сансары, которое имел до перерождения, что интенсифицирует, т. е. ускоряет, его развитие и иницирует достижение состояния нирваны.

Отметим, что самоубийство свойственно тхераваде, но не свойственно махаяне. Если цель архата – собственное, индивидуальное спасение, то цель буддхисатвы – помочь остальным обрести спасение, реализуя великую добродетель махакаруна, т. е. великое сострадание. После обретения просветления буддхисатва реализует свой путь через спасение и развитие других. Кроме того, особенность онтологической концепции махаяны [6, с. 240–242] не позволяет определить какой-либо момент состояния сансары как идеальный. Иными словами, если в тхераваде значение имеет определенный момент состояния сантаны (момент просветления, потенциальной нирваны), то для махаяны имеет значение совокупность моментов (концепция единства относительностей⁸), где важно именно «целое целого» (совокупность состояний). Если в тхераваде самоубийство, в момент когда сантана достигла состояния освобождения, но дальнейшее развитие или освобождение не представляется возможным ввиду определенных ограничений, может иметь место и несет в себе «позитивный потенциал» в будущем перерождении, то для махаяны это чуждо – определенная неизвестность заключается

в общей сумме всех состояний дхарм как единого целого⁹.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что такая специфика исключает эффективность суицида, рассматривая деятельность по спасению других и концепцию «относительности» махаяны как важные условия достижения просветления и освобождения. В целом религиозное самоубийство выступает логическим следствием концепции иллюзорности мира (майя) и аффективной привязанности к этой иллюзии ввиду незнания и ошибочного суждения. Оно становится катализатором нового рождения и последующего развития. Однако данный акт является скорее особым исключением, имеющим религиозный смысл, чем обыденным и аффективным феноменом. Самоубийство не противоречит буддийской (тхеравада) этике, хотя последняя подвергается критике. А. Арвон критикует буддизм, указывая, что у него пассивная этика и что глубокое спокойствие, в т. ч. к вопросам жизни и смерти, напоминает холодное равнодушие и хладнокровие [7, с. 52–53].

Самоубийство также практикуется в джайнизме. Концепция освобождения и спасения связана с представлением о развитии дживы (душа)¹⁰. По вероучению джайнистов, джива имеет способность перехода от состояния полной неразвитости (нигода-джива) к состоянию освобождения (сиддха-джива). Это особый эволюционный процесс, согласно которому «развитие джив считается объективной закономерностью и достигается, по джайнским воззрениям,

⁷Несомненно, что именно в форме человека, т. к. только человек способен достичь состояния, свободного от страданий, т. е. нирваны. Хотя не исключено, что возможно перерождение в форме богов, которая является благой ввиду того, что многие страдания в ней отсутствуют, однако потребуется перерождение или несколько перерождений, чтобы переродиться человеком и достичь освобождения.

⁸Концепция, при которой вещь или феномен определяется через связь или соотношение с другими и вне этих связей, является бессмысленной.

⁹Иными словами, новое перерождение не может гарантировать однозначное просветление и освобождение по определенным причинам: перерождение в божественной форме, перерождение в сфере «не-форм», потенциальная возможность достижения нирваны в этой жизни ввиду состояния всех дхарм всех перерождений. Самоубийство в таком случае не является эффективным, а также может приостановить весь процесс освобождения индивидуума.

¹⁰Живое существо состоит из двух элементов: 1 – триада: джива, огненное тело, кармическое тело (при этом джива является отдельной онтологической субстанцией в отличие от двух остальных, которые выступают формами субстанции «вещество»); 2 – тело (пищевое или изменяемое).

силой времени» [8, с. 343]. Иначе говоря, достижение освобождения является закономерностью не только развития, но и вообще всей экзистенции дживы. Она имеет внутреннее стремление к достижению состояния освобождения. Однако ввиду того, что у нее существует связь с кармическим телом¹¹, освобождение дживы требует определенного времени для преодоления влияния этого тела.

Хотя потенциально освобождение оказывается неизбежным в силу особой природы дживы, тем не менее временной интервал играет важную роль, особенно в концепции дигамбаров¹². Для более эффективной реализации освобождения необходимы следование обетам и йогические практики. Однако если индивидуум не способен больше выполнять требования, то этот приток снова возобновляется и развитие дживы не происходит (болезни, старость, физические недуги и т. д.). Подобно буддизму, в джайнизме, в том случае когда физически или ментально индивидуум не мог совершать ежедневные обряды, ему разрешалось совершить ритуальное самоубийство: «Религиозное самоубийство осуществляется путем прогрессирующего поста, который начинают с пропуска одного приема пищи в день и постепенно доводят до полного отказа от еды и питья, сопровождая эти ограничения интенсивными религиозными размышлениями» [8, с. 355]. Указанный обряд называется «самлекхана» и является одним из семи дополнительных обетов джайнизма. Кроме того, данный обряд использовался по причине бесплодного подвижничества [8, с. 355]. Это указывает на то, что самоубийство выступает

как средство регуляции затрат времени на достижение просветления и освобождения, исключая временные интервалы, которые могут способствовать статическому состоянию дживы, а также возможному притоку кармического вещества.

В целом можно сделать вывод, что акт ритуального самоубийства в буддизме и джайнизме оказывается рычагом оптимизации приложенных сил и действий в процессе освобождения от кармы (кармического вещества). Его функциональность в том, чтобы индивидуум не терял времени, т. к. болезни и иные физические негативные влияния, создающие некомфортные условия для других¹³, способны задержать психофизическое и духовное развитие. Такой духовный путь есть процесс, который имеет свою интенсивность, качественные характеристики, свойства и т. д. Можно привести пример с поездом. Набрать необходимую скорость ему сложнее, это занимает большее время, если поезд только начинает движение; если же он уже имеет определенную инерцию движения, т. е. движется, то и время, затраченное для достижения необходимой скорости, будет значительно меньшим. Именно по этой причине в джайнизме и буддизме акт самоубийства может расцениваться как потенциально положительный, т. к. новое рождение дает возможность продолжить процесс просветления и освобождения без потери частичной и полной «инерции» дживы. Однако он не может являться общепринятым и постоянно практикуемым ввиду того, что его легитимность регулируется определенными условиями, требованиями и выступает

¹¹Именно кармическое тело отвечает за последующее перерождение, а также те кармы, которые будут действовать в новом рождении. К живому существу осуществляется приток кармического вещества, который и необходимо пресечь, чтобы лишить кармическое тело энергии, дабы оно не мешало дживе достигнуть освобождения. Хотя джайны считают, что карма полностью не определяет существование человека, указывая на наличие некоторой свободы воли у индивидуума [8, с. 352–353].

¹²Дигамбары выделяют время как отдельную субстанцию, отмечая, что оно – «основа развития, возникновения, пребывания и исчезновения всех проявлений всех субстанций в мировом пространстве» [8, с. 339].

¹³Интересен тот факт, что Д. Юм в статье «О самоубийстве» отмечает аналогичное оправдание самоубийству. Он подчеркивает, что если индивидуум не может работать на благо других и мешает выполнению их функциональных обязанностей, то его самоубийство похвально [1, с. 172].

элементом религиозной сферы (монашества). В иных случаях акт самоубийства имеет негативный коррелят как акт, потенциально лишаящий человека возможности развития, что ведет к определенным формам перерождения.

В-третьих, акт самоубийства может выступать в качестве акта протеста, имеющего нравственно положительный или нейтральный характер в парадигме иерархичности аксиологической структуры той или иной религиозной системы. Такой протест несет религиозно-социальный контекст противостояния двух или более различных аксиологических и ментальных систем. Наиболее ярким примером служит случай массового самоубийства евреев в I веке н. э. в крепости Масада. Данное событие описано в работе Иосифа Флавия «Иудейские войны» (7-я книга). Элазар бен Яир, один из вождей, основываясь на том факте, что ему и его людям (в т. ч. женщинам и детям) не спастись и никаких надежд на помощь нет, «ясно представил себе, что в случае победы сделают римляне с сикариями, с их женами и детьми, решил, что все должны умереть» [9, с. 437]. Самоубийство совершили 960 чел. и лишь 5 отказались от него.

В данном случае легитимность акта самоубийства может быть обозначена следующими пунктами: 1) концепция мессианства еврейского народа, которая по идеологическим и религиозным принципам, репрезентуясь в сознании индивидуумов, исключала возможность пленения язычниками; 2) ад в иудаизме, или Шеол, является местом пребывания после смерти как праведников, так и грешников (различие лишь в качественном пребывании до Судного дня), потому, если учитывать телеологию вышеописанного поступка, он несет больше положительной нагрузки, чем отрицательной, или может быть индифферентен; 3) новое рабство считалось неприемлемым, т. к. избавление от египетского рабства, а также все испытания, которые пережил, согласно Ветхому Завету, еврейский народ, заняли много времени и сил.

Еще один яркий пример – Кимвская война, битва при Верцеллах между римлянами и кимврами (древнегерманское племя). Римлянам после разгрома основных войск кимвров противостояли их женщины. Они бились храбро и практически наравне с мужчинами. Отправленное посольство потерпело неудачу: воительницы отказались сдаваться. Римлян поражали их храбрость и мастерство в бою, но более всего – то, что они предпочли самоубийство пленению: «...они задушили своих детей или разорвали их на куски, сами же, нанося друг другу раны и сделав петли из своих же волос, повесились на деревьях или на оглоблях повозок» [10]. Это был одновременно и жестокий акт, и протест, указывающий, что свобода дороже жизни. Однако необходимо сделать ремарку. Дело в том, что самоубийство не является неотъемлемой частью ментальности древних германцев. Более того, такой поступок мог быть приравнен к трусости, а соответственно, нес ужасную участь для человека после смерти. Согласно вероучению древних германцев, только тот, кто погиб в бою, имеет право занять место в Вальхалле. Это связано с богом Одином, считающимся богом насильственной смерти [11, с. 209]. В указанной аксиологической системе и тех условиях, в которых оказались женщины кимвров, самоубийство таким жестоким способом было более приемлемо, чем рабство, для скандинавов равноценное бесчестной и трусливой смерти.

В-четвертых, самоубийство в некоторых религиях может обладать формой самопожертвования, имеющего высокую положительную нравственную оценку в рамках той или иной религиозной системы. В таком случае цель данного акта должна инициировать какое-либо иное действие или же это самопожертвование несет чисто религиозный примат. Ярким примером такого самопожертвования является Самсон. Он был пленен, ослеплен, и его привели в храм, чтобы потешиться над ним. Однако его раскаяние и самопожертвование («Умри, душа моя, с филистимлянами»¹⁴) позволили

¹⁴Суд. 16:30.

ему одновременно исполнить волю Бога и отомстить за свои мучения ценой собственной жизни. Этот сюжет Ветхого Завета вызывает споры в вопросе оценки самого акта самоубийства¹⁵.

Необходимо вернуться к акту самоубийства женщин кимвров. Отметим, что часть женщин повесилась на собственных волосах – вероятно, те, кто остался жив, после описанных событий. Хотя самоубийство и являлось грехом для германцев, этот акт самоубийства через повешение несет глубокий сакральный, ритуальный и религиозный смысл. Дело в том, что у древних германцев человеческие жертвы богу Одину приносились через повешение [11, с. 218]. Указанный акт имеет особый космологический и религиозный характер, связанный с Одним¹⁶. Одина называли «Богом Повешенных»¹⁷, и сам культ этого бога указывает на связь с данным феноменом [11, с. 219]. Потому такая форма самоубийства кимвранских женщин является жертвоприношением (самопожертвованием) Одину, дабы обрести возможность избежать мучений в Хельхейме.

Стоит вспомнить еще один немаловажный пример самоубийства как самопожертвования.

Он связан с драматическими страницами истории Индии, в частности практикой джаухара раджпутами Раджастхана, массового акта саможжения, как правило, женщинами перед битвой. Наиболее известными стали случаи, произошедшие в 1303¹⁸ и 1568¹⁹ годах, и связаны они с внешней экспансией в Индию. Еще один случай джаухара отмечен в 1527 году [12, с. 387]. Данный ритуал не только являлся неким акцидентным феноменом культуры, имеющим место в истории Индии, – раджпуты сделали его исключительно своей практикой [12, с. 387]. Необходимо уточнить, что указанный ритуал берет начало из практики «саги» – ритуального самоубийства вдовы.

Ритуал саги (саможжение вдовы) мог быть как добровольным, так и инициированным давлением родственников и общества²⁰. Так или иначе, его реализация была символом жертвенности и праведности, который имел сакральный и глубоко религиозный характер. В целом важно подчеркнуть, что обязанности женщин и жен были четко регламентированы²¹.

Ритуал джаухара имеет сложный, составной примат, включающий как социальные, так

¹⁵Стоит отметить работу «Биатанатос» Дж. Донна, которая является апологией феномена самоубийства, поскольку основывается на примере и анализе текстов о смерти Соломона и Иисуса Христа. Дж. Донн «прилежно изложил и подверг суду разума все законы, нарушаемые этим действием» (См.: *Донн Дж.* Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 2009. С. 332), подобно тому, как это сделал Д. Юм в статье «О самоубийстве». Дж. Донн написал «Биатанатос» в молодости, когда увлекался больше поэзией, однако данная работа не вяжется с последующим принятием сана священника (настоятельство собора Святого Павла в Лондоне) и степенью доктора богословия. Тем не менее этот человек прошел определенный духовный путь, который привел его в религию.

¹⁶Это инициатический миф об Одине. Он был распят на дереве (Иггдрасиль) вниз головой, висел на нем 9 дней, а сердце его было пронзено копьем, о чем упоминается в «Старшей Эдде» (См.: *Исландский Эпос. Старшая Эдда* / пер. с древнеисл. А. Корсуна. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 65). Можно заметить, что данный миф перекликается с новозаветным сюжетом о распятии Иисуса Христа.

¹⁷*Стурлусон С.* Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 26.

¹⁸«Когда все потеряно, когда кончались последние остатки еды, когда последняя стрела выпущена, допит последний мех воды, тогда разводили погребальный костер и, пока женщины бросались в огонь, мужчины выежались в ярком зареве славы убивать и погибать» [12, с. 338].

¹⁹«Защитники крепости совершили джаухар – бросились в последнюю атаку, оставив за спиной женщин, сгоравших в огне ритуального саможжения» [12, с. 409].

²⁰Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: слов. / под. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. С. 395.

²¹Это связано с концепцией Пурушарта, или земного предназначения человека, которое состоит из трех элементов: дхарма, арта и кама. В данном контексте наибольший интерес вызывает именно кама – принцип, регламентирующий взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Его специфическая часть связана с свадхармой (отпечаток, сумма прошлых карм и их кумулятивный эффект), определяет и регламентирует долг. Последний называется стридхарма и касается не только жен, но и куртизанок [13, с. 71–72].

и религиозные причины. Они переплетены между собой, и одни вытекают из других. Первое, на что следует указать, рассматривая телеологию джаухара, это то, что «поражения в битвах и обнищание являются результатом нарушения социального устройства» [13, с. 64], потому ритуал самосожжения женщин мог служить определенной жертвой, залогом, обеспечивающими победу мужей в битве и благословение богов. Приносимая жертва – это восстановление нравственной и социальной стабильности, т. к. женами выполняется стридхарма. Второй элемент телеологии связан с особым ритуальным и сакральным отношением к битве как феномену [13, с. 101]. Женщины, которые совершают самосожжение, выполняют долг сати, т. е. буквально своей жертвенностью обеспечивают себе место рядом с мужем²². Особенно это могло быть актуальным, если битва является заведомо проигранной. Третий элемент телеологии джаухара имеет, скорее, более практический характер. Женщины, убивая себя, не отягощают своих мужей мыслями о судьбе семьи, в том случае если последние проиграют, и одновременно вызывают в них ярость к противнику (как в мифе о Сати и Шиве). Четвертый элемент – протестный, а именно нежелание сдаваться и обрекать себя на невзгоды и страдания, которые принесет им плен. Все перечисленные элементы связаны, и описанный ритуал имеет религиозный и сакральный субстраты.

Необходимо отметить, что ритуальные самопожертвования жен после смерти мужа распространены во многих культурах, традициях и религиях: древние германцы [11, с. 226–227], восточные славяне [14, с. 49], инки [15, с. 76] синтоисты (этика бусидо)²³ и т. д. Это было

характерно для религий, где посмертное существование было подобно смертному (материально) и умершего хоронили со всем тем, что ему могло пригодиться после смерти для радостного и спокойного существования в загробном мире.

Индейцы Месоамерики (майя) достаточно лояльно относились к актам суицида, особенно если они совершались с какой-либо религиозной целью; часто ритуальное самоубийство приравнивалось к самопожертвованию. Более того, в пантеоне богов майя существует богиня Иш Таб, которая выступает покровительницей самоубийц и ритуальных самоубийств. Ее иконография (изображение) – это женщина, повешенная на веревке за шею на дереве. В рамках мифологии она является психопомпой, т. е. проводником души в иной мир (как, например, валькирии в германской мифологии). Кроме того, ей присущ инфернальный коррелят: она заманивает мужчин в лес и губит их, что в некотором роде роднит ее с образами суккуба христианской средневековой демонологии или мрачных Кер греческой мифологии. Иш Таб часто принимают за божество луны, а ее иконографию трактуют как лунное затмение [16, с. 133], которое, как и солнечное, имеет особое культовое значение. Оба они сопровождалась ритуальными жертвами, в т. ч. и самопожертвованием.

Для мифологического сознания майя была характерна идея о том, что тот, кто был принесен в жертву, попадает в солнечное царство божеств [17, с. 90], и это позволяло избежать посмертного существования в подземном мире. Особый интерес вызывает «игра в мяч» индейцев Месоамерики. Существует гипотеза, согласно которой капитан победившей команды имеет

²²М. Анго указывает, что воинов на войне сопровождали их жены, в т. ч. куртизанки и проститутки, которые могли иметь статус законной или случайной жены [13, с. 102]. Несомненно, что акт джаухара практиковался по большей части женами кшатриев, чем какими-либо другими варнами, и именно у раджпуттов. А ритуал сати, хоть и появился у кшатриев, практиковался и другими варнами и кастами. См.: Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: слов. С. 395.

²³Для жен самураев цуйфуку, как и ритуал сэппуку вообще, не являлся чем-то особенным. Каждая женщина должна была знать, как совершить данный ритуал. Незнание этого считалось позором, хотя для женщин делались определенные уступки в плане методики самоубийства (сэппуку могло быть заменено на пронзание сердца или ритуал дзигай, т. е. перерезание горла) [2, с. 54].

право уйти из жизни прежде срока (в знак поощрения ему отрубали голову), что давало возможность раньше попасть в чертоги богов [18, с. 33]. Иными словами, это акт ритуального пожертвования за определенные достижения и, соответственно, снятие с человека долга перед богами. Такой добровольный отказ от жизни драпировал индивидуума славой и честью. Однако существуют и другие мнения, согласно которым в жертву приносили не победителя, а проигравшего, или даже использовали пленника в качестве «живого мяча» [16, с. 95]. Участие в игре сакрализует всех, кто в ней участвует, поэтому как жертвоприношение, так и ритуальное самопожертвование имеет высший религиозный смысл.

У джайнов ритуал самоубийства (постепенного умерщвления) обретает легитимность также в реализации религиозного обета ахимсы (непричинения смерти или вреда живому существу). Например, во время голода совершение самлекханы можно расценить как акт ахимсы и сохранения жизни другого существа. Подобно этому, ритуальное самоубийство разрешается «по причине времени», когда бушуют эпидемии и чума [8, с. 355]. Уход из жизни одновременно позволяет выполнить обет ахимсы (отдавая часть еды и питья другим²⁴), исключить

вероятность заболеть и тем самым отяготить кого-либо своим состоянием (позволяя другим заботиться о своем физическом состоянии²⁵), а также невозможность исполнять религиозные практики.

В-пятых, самоубийство рассматривается как аспект инициации и перехода в наилучшее состояние экзистенции. Как правило, такая телеологическая основа акта суицида присутствует в современных религиозных организациях и движениях апокалиптического толка. Крупнейшими актами суицида являются самоубийства членов организаций «Народный Храм»²⁶, «Ветвь Давидова»²⁷, «Храм Солнца», «Небесные Врата», «Движение за возрождение десяти заповедей Бога»²⁸ и т. д. Наибольший интерес вызывают организации «Храм Солнца» и «Небесные Врата». Существовало несколько эпизодов самоубийства адептов «Храма Солнца». В общей сложности самоубийство совершили более 74 чел., в т. ч. дети. Основная идея организации заключалась в том, что в скором времени наступит Армагеддон. Спаситься можно лишь пройдя через священные Врата на Сириус. Однако для этого необходимо определенное состояние тела, души и духа. Как и во многих традиционных религиях, вопрос трансгрессии состоял в том, что для перехода в иное

²⁴Пассивное самопожертвование ради сохранения жизни другого существа. С одной стороны, это не противоречит принципу недеяния, необходимого для отсечения притока кармического вещества, с другой – это акт спасения жизни, милосердие, которое не чуждо ахимсе.

²⁵Можно сказать, что это – тоже определенная форма ахимсы, т. е. ненанесения вреда живому существу и несоздания ситуации, при которой этот вред может быть нанесен.

²⁶Самоубийство 920 чел. данной организации. На случай апокалипсиса был разработан план «массового самоубийства», который был реализован в 1978 году. Хотя некоторые исследователи считают, что не все члены организации покончили с собой. Те, кто отказался принимать яд, уже после совершившегося акта «массового самоубийства» были ликвидированы (военная операция) [19, с. 482].

²⁷По официальной версии, это самосожжение 80 чел. (1993 год). Однако, как и с организацией «Народный Храм», в данном событии слишком много белых пятен [19, с. 488–490]. Кореш Тимоти Маквей, основатель организации, скрупулезно работал с «Откровением» Иоанна Богослова, изучая «Семь Печатей».

²⁸Нетрадиционная религиозная организация, основанная в Уганде Кредонией Мверинда. Около 500 чел. взорвали себя и 81 чел. был найден в общей могиле. Также было обнаружено около 47 захороненных тел и 6 зарубленных топором. Эти события произошли 17 марта 2000 года – в день, который основательница – в очередной раз – называла концом света. Сама же Мверинда не участвовала в самоубийстве и сбежала. Многие детали указывают на то, что данный акт мог иметь насильственный и далеко не религиозный характер, а утилитарную, финансовую основу (адепты требовали вернуть свои деньги, т. к. пророчества не сбывались).

состояние, в иной мир требовалось определенное состояние индивидуума (духовное и телесное). Однако если в традиционных религиях для этого необходимо пройти сложный путь длиною в жизнь, соблюдая заповеди и ведя моральный образ жизни, то для адептов «Храма Солнца» указанный вопрос решался проще: самосожжением, которое очищает индивидуума. Все действия имели религиозный смысл с использованием особого символизма, хотя существовали признаки и насильственных действий над адептами [19, с. 496–497]. Особенно стоит отметить, что на голову адептов надевали пластиковые мешки, а на шею затягивали веревку (удавку).

Вторая организация, называемая «Небесные Врата» (УФО-религия, уфологическое нетрадиционное религиозное движение), придерживалась подобной апокалиптической тенденции. Ее адепты верили в то, что Земля погибнет в апокалиптическом огне, поэтому необходимо установить контакт с внеземными цивилизациями и покинуть планету. В отличие от «Храма Солнца» адепты «Небесных Врат» не сжигали себя. Они приняли смертельную дозу снотворного. Так же, как и адепты «Храма Солнца», на голову они надевали пластиковый мешок, а на шею затягивали петлю. Таким образом они освобождались от своих тел и отправлялись в мир («Надчеловеческий»), из которого человечество когда-то пришло [19, с. 499–500]. В итоге закончили жизнь самоубийством 39 чел. После смерти, согласно главной идеологической концепции «Небесных Врат», адепты попадали на «космический корабль», который должен был доставить их в новый мир.

Особое внимание стоит уделить самому ритуалу самоубийства, а именно двум аспектам – веревкам на шею и пластиковым мешкам на

головах. Веревка с петлей на шее (виселица) – популярная символика инициации. Ярким примером является ритуал посвящения неофитов в масонстве [20, с. 212]. Несомненно, что данный элемент был взят масонами из культа Храмовников, т. е. рыцарей Ордена Тамплиеров²⁹. Более того, ряд исследователей связывают «Храм Солнца» с Орденом Солнечных Тамплиеров [19, с. 492], поэтому безусловно то, что некоторые элементы первого были заимствованы вторым, в т. ч. инициация.

Выше мы уже рассматривали примеры «культы повешенных» в некоторых религиозных традициях. Стоит добавить, что в религии и культуре народов Месоамерики есть изображение божества «Скелетообразной Венеры», или «утренней звезды», обезглавливающей пленника, на шею которого – веревка, что символизирует благоприятное время для жертвоприношения [16, с. 133]. Кукулькан, или Пернатый Змей пантеона богов майя (аналогично ацтекскому Кетцалькоатлю, одной из его эпифаний является божество Тлауискальпантекутли, т. е. «утренняя звезда», Венера), также был богом планеты Венера. Однако этот бог был инициатором бескровных жертвоприношений. Возможно, данное изображение более раннее, чем тенденция бескровного жертвоприношения в культуре индейцев Месоамерики, что говорит об эволюции религиозных взглядов. С другой стороны, в пантеоне майя есть богиня плодородия Иш-Чель, которая тоже имеет имя Иш-Канлеон («паутина, ловящая утреннюю росу»). Ей в жертву приносили людей (молодых девушек). Этимология имени, а также функции связывают ее с «утренней звездой», т. е. «Скелетообразной Венерой». Но говорить однозначно об их идентичности невозможно ввиду особенностей иконографии. Указывая на особенность

²⁹Еще один важный заимствованный элемент – наличие в обряде посвящения «мастеров» гроба и умершего мастера [20, с. 215–216]. У тамплиеров это связано со смертью великого строителя Первого Храма (Храма Соломона) по имени Хирам Аббиф. Данный персонаж имеет огромное значение для масонства, олицетворяя третью степень посвящения. Кроме того, одно из обвинений, которое вменялось тамплиерам, – это поклонение гробу как идолу и ритуалы, связанные с ним. Некоторые инициации предполагали, согласно обвинениям, нахождение неофита непосредственно в гробу. Несомненно, многие обвинения были сфальсифицированы, тем более что тамплиеры Иерусалима могли поклоняться Гробу Господню как важной святыне христианства, а не как идолу.

и символизм «культы повешенных», стоит подчеркнуть, что у сибирских шаманов есть представление о том, что души висят на Мировом Древе [21, с. 242], т. е. как бы «подвешены»³⁰.

Веревка с петлей на шее – символ инициации, ритуального перерождения через смерть. Смерть – онтологическое изменение состояния посвященного [21, с. 59]. В ритуалах посвящения эта смерть – символическая. Реализация трансгрессии между одним и другим состоянием (экзистенциальным состоянием индивидуума) предполагает смерть. Адепты «Храма Солнца» и «Небесных Врат» прошли как бы два посвящения для перехода в иное состояние, иной мир. Первое – смерть тела (отравление и самоожжение), второе – смерть души, символом которой выступает веревка на шее.

Второй аспект – это мешок на голове. Темнота – символ смерти и другого мира [21, с. 52]. Кроме того, темнота символизирует некоторую мистерию и тайну, сакральность. Неофитам во время посвящения часто надевают повязки на глаза, колпаки, мешки на голову, маски – все то, что ограничивает обзор и возможность видеть. В совокупности с темным освещением, при котором проводится ритуал, это создает осо-

бое чувство нуминозного (священного). Это неотъемлемый элемент трансгрессии.

Подводя итоги, отметим, что все вышеприведенные телеологические и этиологические обоснования реализации самого акта суицида в религиозных традициях не встречаются в чистом виде. Они переплетены между собой, однако в определенном случае или ситуации совершения самоубийства главенствующим является одно. Первые четыре категории более практичны, т. к. связаны непосредственно с социальными феноменами, хотя не лишены сакральности, пятая – более мистична, представляет собой определенное таинство и старается полностью отсечь социальное. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что потенциально положительный и нейтральный характер акта самоубийства характерен для некоторых религий ввиду особенностей этиологического и телеологического примата. Таким образом, необходимо учитывать данные положения, чтобы установить роль и значение акта суицида для той или иной религиозной системы, в т. ч. потенциально положительного и нейтрального характера, как феномена инкарнации системы нравственных и религиозных ценностей.

Список литературы

1. Юм Д. Диалоги о Естественной Религии. М., 2007. 192 с.
2. Спешаковский А.Б. Самураи – военное сословие Японии. М.: Наука, 1981. 168 с.
3. Спешаковский А.Б. Религия синто и войны. Л.: Лениздат, 1987. 112 с.
4. Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. 256 с.
5. Мур Дж. Э. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
6. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму: пер. с англ. М.: Наука, 1988. 426 с.
7. Арвон А. Буддизм / пер. с фр. Е. Калантаровой. М.: АСТ: Астрель, 2005. 159 с.
8. Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Вост. лит., 1994. 383 с.
9. Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. с древнегр. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008. 524 с.
10. Луций Анней Флор. Эпитомы. Кн. 1, гл. 38 // История Древнего Рима. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/htm?a=1366220138> (дата обращения: 18.06.2017).

³⁰Символически жертва, повешенная на дереве, может быть интерпретирована как возвращение к Мировому Древу. Что касается представлений сибирских шаманов, то это также можно интерпретировать как процесс подготовки души к земной жизни, подобно созреванию плода: когда душа готова, плод созрел – он отпадает от дерева и падает на землю – человек рождается.

ФИЛОСОФИЯ

11. Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 239 с.
12. Кей Д. История Индии / пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2011. 761 с.
13. Анго М. Классическая Индия / пер. с фр. Н.И. Озерской. М.: Вече, 2007. 400 с.
14. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Рус. панорама, 1998. 416 с.
15. Кенделл Э. Инки. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 250 с.
16. Затерянный мир майя / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Терра, 1997. 168 с.
17. Земун Ю. Апокалипсис 2012, или Пророчества майя. СПб.: Афина, 2009. 192 с.
18. Красичкова А.Г. 2012: конец света. М.: Кн. клуб «Книгобек», 2010. 416 с.
19. Благовещенский Г., Паль Л., Спаров В. Полная история тайных обществ и сект мира. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. 601 с.
20. Гекертон Ч.У. Тайные общества всех веков и всех стран: в 2 ч. СПб.: Тип. Е.П. Ахматовой, 1876.
21. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд. М.; СПб.: Унив. кн., 1999. 356 с.

References

1. Hume D. *Dialogi o Estestvennoy Religii* [Dialogues Concerning Natural Religion]. Moscow, 2007. 192 p.
2. Spevakovskiy A.B. *Samurai – voennoe soslovie Yaponii* [Samurai: The Military Estate of Japan]. Moscow, 1981. 168 p.
3. Spevakovskiy A.B. *Religiya sinto i voyny* [Shinto Religion and Wars]. Leningrad, 1987. 112 p.
4. Ermakova T.V., Ostrovskaya E.P. *Klassicheskiy buddizm* [Classical Buddhism]. St. Petersburg, 2004. 256 p.
5. Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge, 1922 (Russ. ed.: Mur Dzh.E. *Printsipy etiki*. Moscow, 1984. 327 p.).
6. Shcherbatskoy F.I. *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected Works on Buddhism]. Moscow, 1988. 426 p.
7. Arvon A. *Le bouddhisme*. Paris, 1951. 123 p. (Russ. ed.: Arvon A. *Buddizm*. Moscow, 2005. 159 p.).
8. Lysenko V.G., Terent'ev A.A., Shokhin V.K. *Rannyaya buddiyskaya filosofiya. Filosofiya dzhaynizma* [Early Buddhist Philosophy. The Philosophy of Jainism]. Moscow, 1994. 383 p.
9. Josephus. *Iudeyskaya voyna* [The War of the Jews]. Moscow, 2008. 524 p.
10. Lucius Annaeus Florus. Epitomy. Kn. 1, gl. 38 [Epitomes. Book 1, ch. 38]. *Istoriya Drevnego Rima* [The History of Ancient Rome]. Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1366220138> (accessed: 18 June 2017).
11. Simpson J. *Everyday Life in the Viking Age*. New York, 1987. 208 p. (Russ. ed.: Simpson Zh. *Vikingi. Byt, religiya, kul'tura*. Moscow, 2005. 239 p.).
12. Keay J. *India: A History*. London, 2000. 576 p. (Russ. ed.: Key D. *Istoriya Indii*. Moscow, 2011. 761 p.).
13. Angot M. *L'Inde classique*. Paris, 2002 (Russ. ed.: Ango M. *Klassicheskaya Indiya*. Moscow, 2007. 400 p.).
14. Rapov O.M. *Russkaya tserkov' v IX – pervoy treti XII v. Prinyatie khristianstva* [The Russian Church in the 9th – First Third of the 12th Century. The Adoption of Christianity]. Moscow, 1998. 416 p.
15. Kendall A. *Everyday Life of the Incas*. New York, 1989 (Russ. ed.: Kendell E. *Inki. Byt, religiya, kul'tura*. Moscow, 2005. 250 p.).
16. *Zateryanny mir mayya* [The Lost World of the Maya]. Moscow, 1997. 168 p.
17. Zemun Yu. *Apokalipsis 2012, ili Prorochestva mayya* [Apocalypse-2012, or Mayan Prophecies]. St. Petersburg, 2009. 192 p.
18. Krasichkova A.G. *2012: konets sveta* [2012: The End of the World]. Moscow, 2010. 416 p.
19. Blagoveshchenskiy G., Pal' L., Sparov V. *Polnaya istoriya taynykh obshchestv i sekt mira* [A Complete History of Secret Societies and Sects of the World]. Moscow, 2009. 601 p.
20. Heckethorn C.W. *Taynye obshchestva vsekh vekov i vsekh stran* [The Secret Societies of All Ages and Countries]. St. Petersburg, 1876.
21. Eliade M. *Initiation, rites, sociétés secrètes: Naissances mystiques: Essai sur quelques types d'initiation*. Paris, 1992. 282 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Taynye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya*. Moscow, 1999. 356 p.).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.119

Nikolay I. Petev

Vladimir State University;
ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russian Federation;
e-mail: cyanideemo@mail.ru

SUICIDE IN SOME RELIGIOUS SYSTEMS AS A POTENTIALLY POSITIVE OR NEUTRAL PHENOMENON

This article deals with the phenomenon of suicide as an element of religious action of an individual. The author explores those religious systems where suicide takes on legitimacy, which is associated with the peculiarities of the creed of certain religions. Not every religion regards suicide as a negative act. As a rule, suicide acts as a specific expression of will, having special etiological and teleological justifications. The author identifies several situations when suicide does not contradict the postulates of certain religions, sometimes being their consequence: 1) a special hierarchy of values, with life not having a central place; thus, suicide does not fall under the category of negative actions; 2) suicide is thought of as a directly neutral or potentially positive act, whose legitimacy follows from the features of the creed; 3) suicide as an act of protest, morally positive or neutral; 4) suicide as a form of self-sacrifice, viewed as a highly positive moral act; 5) suicide as an aspect of initiation and transition to the best state of existence. All these etiological and teleological categories directly or indirectly indicate the absence of a negative axiological evaluation in the inner content of the act of suicide. The author notes that these justifications for suicide do not occur in their pure form. As a rule, they are intertwined and can be a catalyst for the act/deed. Nevertheless, even in those religious systems where the phenomenon of suicide is portrayed as justifiable, the right to commit suicide is strictly regulated by religion and can be neither accidental nor affective nor utilitarian. In other cases, suicide is regarded as a manifestation of selfishness, cowardice, weakness, dishonour, etc., which contradicts the value system of the person's religion.

Keywords: *suicide, seppuku, Bushido, Buddhism, Jainism, sacrifice, initiation.*

Поступила: 17.09.2018

Принята: 29.04.2019

Received: 17 September 2018

Accepted: 29 April 2019

For citation: Petev N.I. Suicide in Some Religious Systems as a Potentially Positive or Neutral Phenomenon. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 4, pp. 119–131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.119